

Алымова Е. В.
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории философии
Института философии СПбГУ

ОДЕРЖАЛ ЛИ СОКРАТ ПОБЕДУ НАД ПРОТАГОРОМ, ИЛИ AGŌN LOGŌN В ДИАЛОГЕ «ПРОТАГОР»

Диалог Платона «Протагор» является примером беседы между Сократом и представителем софистики. В данном случае софистическое движение представлено Протагором. Обсуждаемая тема — возможно ли научить добродетели. Беседа срежиссированна Платоном как *agon logon*, как полемика: собеседники предлагают друг другу противоположные рассуждения по одной и той же теме. Статья привлекает внимание к некоторым аспектам этого диалога, которые позволяют усомниться в том, что Сократ одержал верх над Протагором.

Ключевые слова: *agōn logōn*, софистика, Протагор, Сократ, Платон, знание.

Alymova Elena V., PhD, associate professor (History of Philosophy), Institute of Philosophy SPbGU.

Did Socrates get the upper hand on Protagoras or *agōn logōn* in “Protagoras”.

Plato's dialog *Protagoras* offers an example of discussion between Socrates and a sophist, in this case it is Protagoras. The subject discussed is the possibility of virtue to be taught. The dialog is dramatized as an *agōn logōn* (contest of discourses). The whole *agōn* reveals its antilogic character, discovering the presence of the opposing *logoi*. The article draws attention to some points of the dialog which could be interpreted as an attempt to demonstrate the invalidity of the philosophical position of Protagoras, but being viewed more closely let us see that it is not so easy for Socrates to get the upper hand on Protagoras.

Keywords: *agōn logōn*, sophistic, Protagoras, Socrates, Plato, knowledge.

Начнем с того, что ответим на этот вопрос утвердительно: несомненно, одержал. Правда, не тот самый Сократ, а Сократ платоновский, и одержал не в действительно имевшем место агоне (состоялся ли таковой вообще когда-либо?), а в исторической перспективе. Но именно в исторической перспективе силы оказались не равны, и не только Протагор, но и софистическое движение в целом были вытеснены на периферию философии. Тем не менее, наши оговорки («правда», «не тот, а...»), сомнения и апелляция к исторической перспективе призваны скомпрометировать всякую уверенность в однозначно утвердительном ответе.

Современному исследователю софистики приходится трудно, потому что, будучи маргинализированной, софистика практически лишилась са-

мого дорогого, что у нее было, — своего слова¹: сочинения представителей Древней софистики (V в. до н. э.) занимают от силы страниц двести книги среднего формата, да еще и сохранились по большей части лишь фрагментарно.

Короче говоря, в силу скудного объема сохранившихся софистических текстов, удовлетворение интереса к этому интеллектуальному движению лежит через перечитывание диалогов Платона, так как его диалоги представляют собой важнейший источник. Важнейший, но весьма проблемный. Платон — *интерпретатор* софистов, причем интерпретатор тенденциозный, неизбежно скрывающий их от нас, однако, интерпретируя *софистов*, он позволяет им обнаруживать самих себя. Все вышесказанное в полной мере относится к одному из самых известных софистов V в. Протагору Абдерскому. Перед исследователем его философской позиции стоит очень сложная задача: «tentare di districare la parola di Protagora dalla morsa mortale della metafisica platonica»² [1, с. 15].

И если мы, изучая софистику, никак не можем пройти мимо Платона, то сам Платон, как явствует из его сочинений, никак не мог игнорировать софистику. Авторитет софистической позиции (или софистических позиций) для Платона (авторитет, который следовало низвергнуть, равно как и авторитет поэтов) подтверждается тем, что большинство произве-

¹ Именно в лоне софистики логос впервые стал проблемой, а связь вещей и слов продемонстрировала всю свою драматичность. О софистике мы говорим как о едином движении. И это оправданно, так как несмотря на различные доминирующие интересы представляющих софистику индивидуальностей, их позиции, бесспорно, обнаруживают существенную общность: это философская позиция, неотъемлемым признаком которой является сознательная риторическая ангажированность, которая, в свою очередь, есть следствие определенного миропонимания. Поэтому, хотя софистика и не может быть сведена только к риторике, ее все же никак нельзя рассматривать в отрыве от риторики. Правда, следует иметь в виду, что ни сохранившиеся тексты Протагора, ни других софистов, ни их современника и противника Исократ, ни Аристофана не содержат слова *риторика*. Скорее всего, *риторика* как *terminus technicus* возникает не ранее платоновского диалога «Горгий». Софисты пользуются термином λόγος, причем всеми его семантическими оттенками, которые зафиксированы в предшествующем им и современном им узусе. Коль скоро λόγος есть существенная характеристика бытия человеком, что позднее отразится в знаменитой аристотелевской формуле, согласно которой человек есть ζῷον λόγον ἔχον, то вопрос о том, как λόγος связан с сущим, о котором человек нечто высказывает, оказывается важнейшим вопросом, занимающим всех представителей софистического движения.

² Попытаться освободить слово Протагора от мертвой хватки платоновской метафизики.

дений, составляющих *Corpus Platonicum*, — это диалоги, собеседниками и участниками которых являются софисты. Частью эти диалоги носят имена софистов как протагонистов маленьких платоновских драм. Мы сфокусируем свое внимание на диалоге «Протагор», хотя вопросы, которые были спровоцированы Протагором Абдерским, обсуждаются и в других сочинениях Платона, например, «Евтидем», «Теэтет», «Менон», этот список можно продолжать.

За Протагором числится (по Диогену Лаэртскому) ряд сочинений, среди которых следующие: Ἀλήθεια ἢ καταβαλλόντες (Истина, или Ниспровергающие речи), Περὶ τοῦ ὄντος (О сущем), Μέγας λόγος (Большая речь), Περὶ θεῶν (О богах), Ἀντιλογιῶν (Противосуждения). Диоген Лаэртский свидетельствует о том, что Протагор первым учредил ἀγῶν λόγων (состязания в речах) (DK¹ 80 A 1, 2), а также τὸ Σωκρατικὸν εἶδος τῶν λόγων πρῶτος ἐκίνησε (первым стал практиковать вид бесед, известный как сократический)² (DK 80 A 1, 5–6). Самая суть философской позиции Протагора, насколько ее позволяет вычленить то немногое, что есть в нашем распоряжении, сводится к следующим тезисам:

1. καὶ πρῶτος ἔφη δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοις (Он первым стал утверждать, что по поводу любой вещи существуют два противоположных друг другу рассуждения) (DK 80 A 1, 23–24)

2. καὶ τὸ τὸν ἥττω δὲ λόγον κρείττω ποιεῖν ([Утверждал, что возможно] сделать более слабое рассуждение более сильным) (DK 80 A 21, 5–6)

3. πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστιν, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν (Всех вещей мера есть человек: сущих, что они есть, несущих, что они не есть)³ (DK 80 B 1)

4. περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι, οὐθ' ὡς εἰσὶν οὐθ' ὡς οὐκ εἰσὶν οὐθ' ὁποῖοί τινες ἰδέναν (О богах я не могу знать ни того, суть ли они или не суть, ни того, каковы они по виду) (DK 80 B 4)

Диалог Платона «Протагор» в целом представляет собой иллюстрацию к основным тезисам Протагора Абдерского. В экспозиции диалога Платон устами Сократа называет Протагора мудрейшим из современников (309d). Гиппократ, который хочет учиться у Протагора, говорит, что Протагора называют софистом (311e). На вопрос о том, в чем же мудр

¹ DK — общепринятая аббревиатура для издания *Die Fragmente der Vorsokratiker*, подготовленного Г. Дильсом (H. Diels) и В. Кранцем (W. Kranz). Мы приводим цитаты по пятому изданию 1935 г.

² Переводы с древнегреческого наши. — Е. А.

³ Этот тезис — единственное, что уцелело от сочинения под названием Ἀλήθεια ἢ καταβαλλόντες (Истина, или Ниспровергающие речи).

софист, Гиппократ отвечает, что софист мудр в искусстве красноречия, а речи софиста — о том, в чем софист сведущ, а сведущ он в том, чем питается душа, т. е. в знаниях. Протагор объясняет цель своей деятельности — делать общающихся с ним лучше (316d) и признает, что он как софист воспитывает людей (317b–c), и обещает Гиппократу помощь в нелегком деле самосовершенствования. Таким образом, возникают две ключевые темы, теснейшим и причудливейшим образом переплетающиеся в контексте диалога: добродетель и знание.

Композиционно диалог распадается на две значимые части, в первой из которых Протагор утверждает, что добродетели научиться можно, Сократ же сомневается в этом. Иначе говоря, позиция Протагора такова, что добродетель есть некое знание, которому, кстати сказать, человек начинает приобщаться с того момента, как оказывается в состоянии понимать слова. Позиция Сократа — добродетель не есть знание. Вторая часть диалога демонстрирует противоположное положение дел. В результате вопросов, поставленных Сократом, Протагор приходит к выводу о том, что добродетели научиться нельзя, Сократ же убеждает самого себя в том, что добродетели научиться можно, так как добродетель — есть особый род знания.

Таким образом, по поводу одного и того же — возможности научиться добродетели — нам Платон предлагает два противоположных логоса, что коррелирует с тезисом (1) Протагора о том, что $\delta\upsilon\omicron \lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\varsigma \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \pi\epsilon\rho\acute{\iota} \pi\alpha\nu\tau\acute{o}\varsigma \pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\eta}\lambda\omicron\iota\varsigma$.

Если мы понимаем этот фрагмент в том смысле, что по поводу каждой вещи есть два противоположных логоса, то мы сводим тезис к утверждению о том, что по поводу всего можно спорить. Однако дело не в том, что в принципе возможны два логоса по поводу одного и того же факта, но в том, что эти два логоса возможны одновременно и даже могут быть высказаны одним и тем же человеком. Диалог «Протагор» демонстрирует именно такую ситуацию: противоположные позиции Протагора и Сократа объединены одним логосом Платона.

Однако следует разобраться в том, что подразумевается под $\lambda\omicron\gamma\omicron\iota \acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, высказывать которые и значит — практиковать $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\lambda\omicron\gamma\acute{\iota}\alpha$, $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\acute{\iota}\nu$. Если предположить, что $\lambda\omicron\gamma\omicron\iota \acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ подразумевают взаимоисключающие рассуждения об одном и том же, то, в логике Сократа (Платона), один из логосов должен соответствовать истинному положению дел, а другой нет, то есть вообще не иметь никакого отношения к данному положению дел. А раз так, то по поводу одного и того же высказывать $\lambda\omicron\gamma\omicron\iota \acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ невозможно: один из них неизбежно будет о чем-то другом, а не том же самом. Такая аргументация представлена в диалоге «Ев-

тидем» (283e — 286d): если перед нами два противоположных друг другу логоса, высказанных по поводу одного и того же факта или события, или одной и той же вещи, то либо один говорит то, что есть на деле, и тем самым описывает истинное положение вещей, а другой, противоположный ему, — о том, чего нет на деле в связи с обсуждаемым фактом, а значит, второй логос — не истинен, если же он все-таки истинен, то значит, он говорит о чем-то другом, о каком-то другом событии, потому что две истины об одном и том же невозможны. Поэтому приставка ἀντι-, присоединяясь к глаголу λέγειν, радикально меняет его значение: λέγειν и ἀντιλέγειν противостоят друг другу, ἀντιλέγειν — значит отрицать чужое утверждение с целью утвердить свое. Между тем, тезисы Протагора свидетельствуют о том, что (4) человек не имеет знания, не может знать (οὐκ ἔχω εἰδέναι) и (3) является мерой (μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος). А это значит: логос, высказанный одним человеком как мерой всего сущего, равноценен логосу, высказанному другим человеком, пребывающем в таком же положении меры и в таком же гносеологическом затруднении. Иными словами, в том мире Протагора, очертания которого едва проступают за скудными текстами, сохраненными для нас традицией, любое λέγειν возможно только как ἀντιλέγειν, обращенное не к вещи, а к другому ἀντιλέγειν ο (περὶ πράγματος) вещи. В таком случае «ἀντι» нужно понимать в смысле взаимности: высказывания оказываются не *противопоставленными*, а *сопоставленными*, и принадлежат они людям, каждый из которых является мерой и причастен той же самой истине.

И вот здесь мы вступаем в область конфликта. Что значит быть мерой? Как следует понимать истину? Сразу скажем: в обсуждаемом диалоге Платон не предпринимает никаких явных попыток приблизить читателя к ответу на второй вопрос. Впрочем, в самой патетической части своей речи (356d — 357c) Сократ говорит: «Что полезнее нам в жизни: искусство измерять или влияние видимости? Последняя разве не вводила бы нас в заблуждение (...) Искусство измерять лишило бы значения эту видимость и, выяснив истину, давало бы покой душе, пребывающей в этой истине, и оберегало бы жизнь (...) А если бы благополучие нашей жизни зависело от правильного выбора между четным и нечетным (...), то что сберегло бы нам жизнь? Не знание ли? И не искусство ли определять, что больше, что меньше? (...) Раз есть измерение, то неизбежно будет также искусство и знание»¹ [2, с. 469–470]. Концы сходятся с концами, начала — с началами: чтобы знать, нужно обладать искусством измерять, искусство, в свою очередь, предполагает знание начал. Говоря иначе, чтобы уметь отличать

¹ Текст цитируется в переводе В. С. Соловьева.

равное и неравное, необходимо знать, что такое равенство само по себе, чтобы отличить добродетельный поступок от недобродетельного, необходимо знать, что такое добродетель, чтобы не оказаться в плену кажимости, нужно знать истину, а если мы ее знаем, то никакой плен нам уже не грозит.

К чему же мы пришли? По поводу одного и того же — возможности научить добродетели — нам Платон предлагает два противоположных логоса¹, каждый из которых соответствует определенному миропониманию, а значит, между ними невозможно противоречие, потому что каждый из них относится к иначе понятой истине. Очевидно, для Протагора единство раскрывается во множестве *πράγματος*, то есть всего того, с чем может иметь дело человек, который в своем опыте всегда сталкивается с тем, что все меняется, все перестает быть тем же и все же остается тем же. Сократ допытывается у Протагора (329cd): «Ты ведь говорил, что Зевс послал людям справедливость и стыд, и потом много раз упоминались в твоей речи справедливость, рассудительность, благочестие и прочее в том же роде так, словно это вообще нечто единое, то есть одна добродетель» [2, с. 439]. «Да ведь на это легко ответить, Сократ, — сказал Протагор. — Добродетель едина» (329de) [2, с. 439], а справедливость, рассудительность, благочестие суть ее части, относящиеся к единому, как части лица относятся к лицу: ни одна из частей лица не тождественна другой, каждая имеет свое собственное назначение, но их единство позволяет лицу быть лицом, через гармонию частей лицо становится видимым как лицо. Через белое и черное свидетельствует о себе цвет, через твердое и мягкое — тело, через справедливость, рассудительность и благочестие проявляется добродетель. Уча справедливым вещам, Протагор учит самой справедливости, уча прекрасным вещам, учит самому прекрасному. Изначальная позиция Протагора (героя одноименного диалога) такова: то, чему можно научиться, является знанием, добродетели научить и научиться можно, стало быть, добродетель — это знание, но если предположить, что добродетель представляет собой знание в сократовском понимании, то ей научиться нельзя.

В самом финале Протагор удостаивает Сократа своей похвалы: «Я одобряю, Сократ, и твое рвение, и ход твоих рассуждений (...) Я многим гово-

¹ А при внимательном рассмотрении, так и все четыре: два — в первой части, в которой Протагор уверяет, что добродетели научить можно, а Сократ возражает ему, и два — во второй, когда собеседники меняются позициями. При этом антилогий еще больше: к четырем уже названным добавляются еще две, первая из которых возникает из противоположных позиции, высказанных самим Протагором, вторая — из противоположных позиций, высказанных Сократом.

рил о тебе, что из тех, с кем я встречаюсь, я всего более восхищаюсь тобой (...) Я даже утверждаю, что не удивился бы, если бы и ты стал одним из людей, прославленных мудростью» [2, с. 476]. Интересно, какую мудрость имеет в виду Протагор? Очевидно, такую же, какой мудр он сам, знающий, что πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος.

Литература:

1. Peverada S. Il canto delle Sirene. Protagora e la metafisica. Milano: Associazione Culturale Mimesis, 2002. — 432 p.

2. Платон. Протагор // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. — 861 с.